

Что бы ни готовили им будущее и судьбы, Люк Каstellан верил, что этот день навсегда запомнится жителям Нового Византия.

В лагере уже давно не было ни одного сына Посейдона, но сын Гермеса был уверен, что даже если бы их были десятки, все они потеряли бы актуальность с появлением нового пополнения.

Его звали Персей Джексон, и, несмотря на то что светловолосый полубог считал, что мальчик погибнет задолго до шестнадцати лет - а значит, не получит шанса выполнить условия Великого пророчества, - росла вера в то, что этот сумасшедший полукровка оставит глубокий след в истории Византии и всего мира.

Мало кому хватало смелости - или безумия - напрямую красть у богов, квест или не квест. Еще меньше людей имели смелость демонстрировать свои воровские достижения прямо посреди лагеря, где олимпийцы могли непосредственно материализоваться и убить преступника.

Однако именно этим и занимался сын Посейдона, ведя за собой гигантский караван краденого, начиная с мраморных статуй, золотых амулетов, сундуков, наполненных драхмами, и бесценных драгоценных камней и заканчивая ружьями, электронными устройствами и несколькими вещами, которые должны были быть орудиями войны, сделанными Гефестом.

Делать это, когда твоей единственной защитой является благосклонность Посейдона и собственное чувство собственного достоинства, было просто... просто безумием.

И тем не менее Персей Джексон делал это в середине дня, имея в качестве слуг множество каменных горгулий, которые неопровержимо доказывали, что хвастовство Охотниц, что они истребили "чудовищ", было абсолютной ошибкой.

"Он не может этого сделать!" шипела Аннабет. Сын Гермеса изо всех сил старался не хихикать. Если и было что-то "классическое" в Персее Джексоне, так это его способность приводить в ярость дочь Афины, которую он считал младшей сестрой. Похоже, эти двое достигли максимального уровня антагонизма всего за несколько минут после первой встречи друг с другом.

У Люка было предчувствие, что их история закончится тем, что они будут либо заклятыми врагами, либо женаты друг на друге.

"Он может", - не согласился вор, укравший золотое яблоко из сада Гесперид. "Факт в том, что он делает это прямо сейчас. И на самом деле это не так уж сильно отличается от того, что делаем мы, дети Гермеса: мы используем посольский статус нашего барака, чтобы избежать божественного возмездия".

Однако этот конвой был совершенно иного масштаба. Если собрать трофеи всего барака, считая его и старших квесторов, то они составили бы, наверное, две трети того, что везли три дюжины колесниц и модифицированных грузовиков.

Люк считал, что заявления амазонок и охотниц о притязаниях Джексона несколько преувеличены. Увидев доказательства своими глазами, опытный квестор начал думать, что они если и недооценили "проблему", то очень сильно.

"Перестань пялиться на него... или попробуй молча приказать Охотницам вмешаться", - посоветовал он младшей полубогине, стараясь не обращать внимания на то, что от огромного количества слуг Богини Охоты ему становилось не по себе. Seriously, он знал, что Артемида активно вербует молодых девушек, а затем промывает им мозги и позволяет медленно расти, пока они не достигнут шестнадцати лет... но все равно было страшно осознавать, что при одном только слове против цели выходят более трех тысяч лучниц.

То, что Джексон добровольно воевал против них в течение трех лет и процветал, доказывало, что сын Посейдона имеет дело...

"Зои пыталась убедить меня снова присоединиться к Охоте", - призналась Аннабет, прикусив нижнюю губу.

"Она упоминала, как Богиня Любви чуть не убила ее за самонадеянность, когда мы сбежали из Детройта?"

"Нет, но я уверена, что в этом виноват этот сын Посейдона!" - ее голос понизился до шепота. "Возможно, единственный бессмертный, кроме своего отца, который действительно на стороне этого придурка..."

Словно кто-то услышал ее, вспыхнул большой круг света, и на секунду пронесся каскад фиолетовых и бронзовых цветов, прежде чем Дионис, директор Византии - должность, которую он не скрывал, что занимает против своей воли, - шагнул через него.

Вот только он не был похож на директора квестеров.

Нет, нет, это было не точно. Он не был похож на того "мистера Ди", к которому они привыкли. Он был изображением того, как должен выглядеть Бог с большой буквы D. Его бицепсы и тело были как у Адониса, фиолетовый воздух величественно струился, а в качестве украшения для волос использовался виноград. Его греческая одежда была наполовину снята, как будто для того, чтобы показать еще больше его груди - часть тела, которая и бровью не повела бы, будь она у Геракла. На его плечах был накинут леопардовый плащ, а на предплечьях - золотые торксы.

Исчез образ сварливого, ворчливого и угрюмого Директора. Бог вина был здесь во всей мощи своей силы и внешности.

Половина квестеров вытаращилась и была совершенно ошеломлена. Люк предполагал, что и он делает то же самое. И то, что последовало за этим, не помогло смягчить удар.

"Питер Джонсон! Мой великий друг!"

"Дуглас! Мой второй любимый Бог!"

И Бессмертный с Полубогом обнялись, словно два старых друга.

"Основания Олимпа, - стонала Аннабет, - теперь они вдвоем с ним..."

Дочь Афины была так занята попытками отвести взгляд, как и большинство людей, что не заметила, как Джексон запустил маленькую фляжку в волосы бога.

Конечно, следующие мгновения немного отвлекли внимание... как и предполагал Дионис.

"После моих детей ты определенно мой любимый полубог!" - воскликнул Бог Вина, что было вполне правдиво, если Джексон принес контрабандный зачарованный алкоголь вместе с остальной добычей. "Настоящий чемпион безумия, твои подвиги смотрели несколько миллиардов раз на Madness Tube! Я призываю тебя продолжать..."

Раздался сильный грохот, и Люк, как и все жители поселения, понял, что с юга... то есть с Олимпа, надвигаются большие, неприятные темные грозовые тучи.

"Я хочу сказать, что это были очень плохие, плохие вещи, которые ты сделал", - сказал Бог глупости и безумия с обвинительным выражением лица, которое абсолютно никого не убедило. "Не пытайся сделать это снова".

И олимпиец исчез, за ним быстро последовали полубоги.

"Люк", - и впервые Аннабет выглядела очень, очень испуганной. "Что, черт возьми, делает Персей Джексон? Ты говорил мне, что видел Богиню Любви, готовую к войне, теперь настала очередь мистера Ди... что происходит?"

"Безумие", - тихо проговорил сын Гермеса, зная, что правда не утешает и не является чем-то, что можно решить с помощью меча. "Безумие стоит на нашем пороге".

"Мы не позволим ему", - утверждал голос, которому не пристало звучать так высокомерно.

По его скромному мнению, Зое Найтшейд не удалось нейтрализовать монументальную угрозу до того, как она достигла своей крейсерской скорости, и теперь им всем предстояло расплачиваться за это...

<http://tl.rulate.ru/book/105229/3713867>